

Рахматов Александр Ахмедович

канд. полит. наук, профессор

Российская академия естествознания (РАЕ)

г. Москва

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РФ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

***Аннотация:** признаки того, что политический курс страны начинает выстраиваться с учетом национальных интересов России, появились одновременно с восхождением к вершинам государственной власти новой генерации прагматиков во главе с В.В. Путиным. По времени эти процессы совпали с ускорением глобальных перемен и начавшейся политикой биполярного развития мира под эгидой РФ.*

***Ключевые слова:** политический курс, парламентские слушания, доктрина образования, интеллектуальные ресурсы, курс страны.*

В глобальной системе социальных координат место России в первую очередь зависит от интеллектуальных ресурсов страны и образованности нации. Это и естественно: возрождение России немыслимо без опережающего развития системы образования, поскольку оно является базисным социальным институтом, определяющим перспективы прогресса.

Новые политические подходы воплотились в работе над Национальной доктриной образования в Российской Федерации. В разработке проекта Национальной доктрины образования в Российской Федерации принимали участие специалисты Минобразования, других министерств, ответственные работники Аппарата Правительства РФ, депутаты Федерального Собрания Российской Федерации, деятели образования, науки и культуры.

Первое обсуждение проекта документа состоялось на расширенном заседании Российского союза ректоров в Туле 24 ноября 1999 года, затем прошли парламентские слушания (25 ноября 1999 года в Московском государственном

университете). Оживленные дискуссии проходили в различных учреждениях образования, в том числе школах, гимназиях и лицеях, колледжах и вузах [1].

Проект Национальной доктрины образования в Российской Федерации был вынесен на обсуждение Всероссийского совещания работников образования 14–15 января 2000 года, проходившего в Государственном Кремлевском Дворце. Знаменательным было уже то, что последний раз в Кремлевском Дворце работники народного образования собирались в 1988 году. Для очередной встречи понадобилось 12 лет. Но уже в другой стране, в другом периоде времени [2].

Доктрина образования в Российской Федерации, вынесенная на обсуждение, имела ряд отличительных особенностей. Во-первых, она отразила новые правительственные подходы к роли образования в политическом, социально-экономическом и духовном развитии страны. Образование не рассматривалось как затратная часть экономики, как финансовая обуза. Правительство уже не считало, что в России «много науки», «много вузов». Более того, власть увидела серьезную опасность в дальнейшей деградации отечественной школы. Слова В.В. Путина о том, что «Россия впервые за последние 200–300 лет... стоит перед лицом реальной опасности оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне государств мира», были отражением нового взгляда на проблемы российского образования [3].

Во-вторых, проект Доктрины в самом деле носил национальный характер и уже не стыдился призвать на помощь отечественные традиции, хотя и не содержал упоминания о достижениях советской высшей школы. Вернулись в лексикон отечественных чиновников и такие забытые ими слова, как «преемственность поколений», «воспитание патриотов», формирование «здорового образа жизни», «интеграция образования, науки и производства» и так далее. Выяснилось, что отечественное образование имеет глубокие исторические традиции, признанные достижения: в XX веке Россия стала страной всеобщей грамотности, первой вышла в Космос, достигла передовых позиций во всех областях фундаментальной науки, существенно обогатила мировую культуру. Признано и то, что

«образование определяет положение государства в современном мире и человека в обществе».

Еще одной характеристикой проекта Доктрины стали заложенные в документе признаки доверия отечественной школы к российской власти. Это проявилось в широком использовании оценок и предложений, звучавших на съездах Российского союза ректоров, в средствах массовой информации, трудах специалистов в области истории и философии образования, педагогики и психологии высшей школы [4].

Стратегические цели Национальной доктрины образования в Российской Федерации действительно отвечали интересам и населения, и государства.

Однако документ, с точки зрения автора, страдал и *существенными недостатками*. Их несколько.

1. В своей декларативной части (а она в документе являлась преобладающей) Доктрина с равным основанием могла действовать и один год, и 25 лет, поскольку изложенные основные подходы к определению роли образования не зависят от срока действия. Но ориентация именно на 25-летний срок не прибавляла Доктрине привлекательности. Общественность, уставшая от традиционной безответственности власти за результаты своей деятельности, могла предположить, что через 25 лет интересоваться итогами работы будет не у кого.

2. Поскольку населением отторгается все то, что не содержит форм оперативного контроля, было бы желательным ограничить действие Доктрины сроком не более 10 лет. Этого времени достаточно для преодоления кризисных явлений и формирования образовательной модели, адекватной концепции устойчивого развития, глобальным вызовам и возможностям государства [5].

3. Исходя из последнего, то есть возможностей государства, целесообразно принятие иной схемы финансового обеспечения Доктрины. Изложенный механизм финансирования придерживался пресловутой позиции «будет богаче государство – станут большими вложения в образование». Будем откровенны: нищее образование никогда не сделает страну богатой.

4. Предусмотренное увеличение бюджетных расходов с 6% в 2023 году до 12% в 2025 году никаких условий для динамичного развития образования не создавало. Здесь фактически заложена стагнация при одном уровне инфляции и деградация – при другом [6].

5. Идеология финансирования может быть иной: наделение учреждений образования, в том числе высшей школы, недвижимостью; выделение крупных земельных наделов; изменение по отношению к системе образования налоговой политики; масштабное финансирование в условиях, когда речь идет о возрождении отечественного образования, и постепенное снижение объектов финансирования по мере восстановления разрушенного, создание системы самофинансирования, многоканального финансирования и так далее.

6. Особенно «бледной» выглядела социальная составляющая в проекте Доктрины. Необязательность и расплывчатость раздела не могла содействовать возрождению престижа образования, повышению статуса высшей школы, росту привлекательности научнопедагогического труда. Между тем такая распространенная в мире практика, как приравнивание труда ученого, учителя и работника высшей школы к уровню социального обеспечения государственного служащего, сыграла бы свою позитивную роль.

7. Не являлось оправданным включение в название документа определения «национальная». В такой редакции Доктрина обладает не только интегрирующим, но и разобщающим потенциалом. Терминология, не выражающая содержания Доктрины и способная вызвать дискуссии в регионах *не по существу, а по поводу* (в том числе и мнимого возрождения «имперских» амбиций, великодержавного шовинизма и тому подобной националистической суеверия), интересам развития образования не отвечает.

В проекте документа была некоторая терминологическая расплывчатость, внутренняя разбалансированность, лаконичность одних разделов и многословность других.

Очевидно, текст Доктрины можно было дополнить разделом «Механизм реализации стратегии образования» с включением в него вопросов поэтапного

усиления правовых основ и исправления законов, принятых на стадии «радикального» реформирования.

Список литературы

1. Багдасарьян Н.Г. Ценность образования в модернизирующемся обществе / Н.Г. Багдасарьян // Педагогика. – 2008. – №5.
2. Бобров В.В. Актуальные проблемы современного содержания образования / В.В. Бобров // Философия образования. – 2002. – №5. EDN TOUJHG
3. Болонский процесс: нарастающая динамика и многообразие (документы международных форумов и мнение европейских экспертов). – М., 2003.
4. Болонский процесс и его значение для России. Интеграция высшего образования в Европе / под ред. К. Пурсийнена, С.А. Медведева. – М.: РЕЦЭП, 2005.
5. Вержбицкий А.А. Новая образовательная парадигма и контекстное обучение / А.А. Вержбицкий – М.: ИЦ, 1999.
6. Воскресенская Н.М. Опыт разработки стандартов образования в зарубежных странах / Н.М. Воскресенская // Вопросы образования. – 2004. – №3.